

## Роман «Звезда и совесть»: незавершенность как прием\*

*А. Р. Зарипов*

Башкирский государственный университет

Художественное произведение и его текст не находятся в отношениях эквивалентности, о чем писал еще М. М. Бахтин: «Текст-печатный, написанный или устный-записанный-не равняется всему произведению (или «эстетическому объекту»). В произведение входит и необходимый внетекстовый контекст его»<sup>1</sup>. Об отношении текста к произведению, как части к целому говорил Ю. М. Лотман, называя текст одним из компонентов художественного произведения.<sup>2</sup> Предполагая некоторую внетекстовую реальность, стоящую за текстом, мы можем перейти к рассмотрению проблемы незавершенности без формальных ограничений, накладываемых лингвистикой текста. Так, И. Р. Гальперин в своем определении текста ставит категорию завершенности на одно из первых мест: «Текст-это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа. . . »<sup>3</sup> Исследователь далее не расшифровывает, не уточняет данное свойство текста, сводя его таким образом к нормативному пониманию того, как обычно создаются тексты. Подобная точка зрения пресуппозитивно предполагает, что принадлежность художественной литературы к одному из пяти традиционно выделяемых в лингвистике функциональных стилей, а отнюдь не различие текстов по типу «художественный» и «нехудожественный». Тогда можно говорить о незавершенности, деформированности текста «Звезды и совести»: перед нами текст, не приведенный к окончательной редакции, избыливающий авторскими исправлениями и замечаниями о необходимых изменениях, содержащий лакуны (пропуск глав с IX по XIII), с нереализованной авторской установкой (что можно понять из заметок к роману), обрывающийся до завершения евангельского сюжета.

Тем не менее, тот факт, что роман не был напечатан или даже сам

---

\* Публикация выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Башкортостан в рамках научного проекта № 16-14-02008.

<sup>1</sup> Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 391.

<sup>2</sup> Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 1998. С. 283-284.

<sup>3</sup> Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2006. С. 18.

факт сокрытия его существования (насколько можно судить по имеющимся отзывам, он оставался до вскрытия архива тайной даже для ближайшего круга Назирова) мы не можем считать аргументом в пользу незавершенности романа. Литература XX века знает немало случаев авторского «скрывания» текстов по тем или иным причинам. Хрестоматийным примером здесь может служить творчество Ф. Кафки, с наследием которого в полной мере читатель познакомился лишь после его смерти, благодаря нарушению последней воли умершего его душеприказчиком и другом Максом Бродом<sup>4</sup>. В случае с назировским архивом исследователям был предоставлен выбор: печатать или не печатать художественные произведения известного достоевсковеда, подвергнуть пересмотру образ Назирова и сам характер его деятельности или нет. Заметим, что единого мнения по этому вопросу, несмотря на предпринятые публикации, не сложилось<sup>5</sup>.

В литературоведении существует несколько подходов к проблеме незавершенности. Так, Е. В. Абрамовских в своих работах разводит понятия «незаконченность» и «незавершенность»: «незаконченность» трактуется как открытость текстовой структуры (возникшая вследствие технических или биографических причин, иногда — как художественный прием), а «незавершенность» как «особый вариант “архитектонической формы” целого, или формы эстетического объекта»<sup>6</sup>.

Подобная трактовка незавершенности во многом отражает влияние известного труда У. Эко «Открытое произведение», описывающее феномен незавершенности в том числе как характерную черту литературного процесса XX века. Отметим, что Назиров в заметках к роману писал о «кафкадждойсизации метода»<sup>7</sup>, что также может привести к выводу о сознательной авторской установке на незавершенность. Эта мысль подкрепляется тем фактом, что ни одно из найденных в архиве к настоящему времени крупное произведение назировской прозы не было доведено автором до стадии формальной завершенности. Были ли тексты принципиально незавершенными, либо автор ввиду каких-то иных (психологических, биографических и др.) причин не смог закончить над ними работу? Этот вопрос требует дальнейшего исследования, но вряд ли сможет получить окончательное разрешение. Скрытность Назирова, отсутствие дневниковых записей об этой работе (дневник к тому времени уже был «закрыт») приводят к тому, что текст «Звезды и совести» дается нам, по сути, в очищенном от авторского биографического контекста виде.

<sup>4</sup>Брод М. О Франце Кафке // О Франце Кафке. СПб., 2000. С. 512

<sup>5</sup>Власкин А. П. Сложное впечатление // Назировский архив. 2016. № 1. С. 180

<sup>6</sup>Абрамовских Е. В. Дефиниция понятий незаконченного и незавершенного произведения // Новый филологический вестник. 2007. № 2. С. 75.

<sup>7</sup>Назиров Р. Г. Заметки к роману «Звезда и совесть» // Назировский архив. 2016. № 1. С. 100.

Не будем категорически утверждать о принадлежности романа к модернизму или к постмодернизму лишь с целью обосновать особенности формы влиянием той или иной художественной системы. Незавершенность романа о Христе ближе к тому, что Ю. М. Лотман описывал как «минус-прием», когда «незавершенность текста становится средством художественной активизации его структуры»: «Структура художественного языка может нарушаться в тексте путем неполной реализации — имитации незавершенности, оборванности, отрывочности (пропущенные строфы «Евгения Онегина»)»<sup>8</sup>. В качестве «минус-приема» в тексте романа выступают пропуски глав и открытый финал. И то, и другое легко восполнимо, так как отсылает читателя к общекультурному (по крайней мере, для Европы) знанию — евангельской истории. Библейский претекст в той или иной форме присутствует в сознании большинства читателей, и именно сравнение с ним, мысленное продолжение сюжета романа до канонической развязки христианского мифа и является работой сознания читателя после прочтения романа. Назиров своим романом вносит определенные коррективы в вечный сюжет: «зазор» между художественной интерпретацией и традицией провоцирует воспринимающее сознание на диалог (или полемику) с текстом, стимулирует смыслопорождающую активность.

О. Пиралишвили, вводя термин «акт художественного восприятия», показывает, как текст может стать завершенным в ходе рецепции: воспринимающее сознание выступает соавтором, «достраивает» недостающие компоненты<sup>9</sup>. Примером тому может служить стенограмма обсуждения «Звезды и совести»<sup>10</sup>, в особенности развернутые реплики уфимского писателя И. В. Савельева, доказывающие самим фактом своего существования и своим содержанием способность текста вызвать целостное эстетическое впечатление. В частности, современный прозаик указывает на наличие авантюрного сюжета в романе, на который «замыленный» взгляд исследователя обращается в последнюю очередь, закладываемый сюжетной линией Йешуа. Это свидетельствует о том, что произведение может быть воспринято не только как художественная реконструкция биографии Христа, но как роман со своей галереей персонажей и рядом сюжетных перипетий.

Следовательно, мы можем говорить о незавершенности романа как особом художественном модусе. При этом текст является, с точки зрения рецепции, законченным, целостным, в нем «есть целостное восприятие мира, есть всеохватывающая идея»<sup>11</sup>. В только что процитированном

<sup>8</sup> Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970. С. 363.

<sup>9</sup> Пиралишвили О. Проблемы «нон-финито» в искусстве. Тбилиси, 1982.

<sup>10</sup> Назировский архив. 2016. № 1. С. 194–218.

<sup>11</sup> Сапогов В. А. «Незаконченные произведения»: К проблеме целостности художественного текста // Целостность художественного произведения и проблемы его анализа в школьном и вузовском изучении литературы: Тезисы докладов республи-

исследовании В. А. Сапогова речь идет о взаимозависимости идейной целостности и рецептивной завершенности.

В свою очередь С. Кржижановский в своей «Поэтике заглавий» пишет об исключительной роли заглавий в тексте, их определяющем значении для всего текста. Применяя его предлагаемую им схематическую классификацию заглавий, можно обозначить «Звезду и совесть» как название, содержащее два субъекта (звезда и совесть соответственно) и не выраженный формально предикат, который, однако, может быть описан как носитель реляционной связи между субъектами. Исследователь описывает подобный тип заглавий на примере «Отцов и детей» И. С. Тургенева следующим образом: «Лишь по прочтении текста, озаглавленного «Отцы и дети», мы понимаем противопоставительный смысл союза «и»: отцы не дети; порождающие всегда чужды порожденным»<sup>12</sup>. Пусть интерпретация Кржижановским тургеневского романа и несколько субъективна и не учитывает всего его смыслового богатства, использование подобной логики вполне уместно и по отношению к роману Назирова. Если переводить смысл названия на язык философских проблем, то перед нами проблема предназначения и свободы выбора. Ее раскрытие происходит на разных уровнях:

- в философском диалоге Аарона с Йешуа, когда звездочет рассказывает о знамениях пришествия Мессии, а главный герой произносит «Совесть превыше судьбы» и т. д.;
- в сюжетной логике произведения на нее «работает» концовка романа (казнь Иоханана, решение Йешуа «занять» его место),
- в зафиксированных авторских ремарках к роману об осознании Йешуа себя Мессией под влиянием сложившейся исторической ситуации<sup>13</sup> и в том, что художественного выражения этих планов все-таки не появилось.

Финальная проблема романа не решена, как не решена она и в романе Тургенева, несмотря на мнение С. Кржижановского. Идейная целостность не подразумевает неизменных ответов на все вопросы, которые может читатель задать тексту, однако определяет саму возможность эти вопросы задавать. В случае со «Звездой и совестью» как раз формальная незавершенность романа эту возможность расширяет: доведенный до сюжетного конца (вполне понятного при обращении к евангельскому сюжету) роман утратил бы значительную часть своей рецептивной активности.

---

канской научной конференции (12–14 октября). Донецк, 1977. С. 15.

<sup>12</sup> Кржижановский С. Поэтика заглавий // Кржижановский С. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. СПб., 2006. С. 31.

<sup>13</sup> Назиров Р. Г. Заметки к роману «Звезда и совесть». С. 160.